

Живая история

А. Н. Розеншильд фон Паулин

ДНЕВНИК

Воспоминания
о кампании
1914—1915 годов

Живая история (Кучково поле)

Анатолий Розеншильд фон Паулин

**Дневник: Воспоминания о
кампании 1914–1915 годов**

Издательство «Кучково поле»

1914-1915

УДК 93
ББК 63.3(2)524

Розеншильд фон Паулин А. Н.

Дневник: Воспоминания о кампании 1914–1915 годов /
А. Н. Розеншильд фон Паулин — Издательство «Кучково поле»,
1914-1915 — (Живая история (Кучково поле))

ISBN 978-5-9950-0462-2

Дневник генерал-лейтенанта А. Н. Розеншильда фон Паулина (1860–1929) повествует о боевых действиях Российской Императорской армии на Прусском фронте в начальный период Первой мировой войны. Автор – начальник 29-й пехотной дивизии – вспоминает пережитые им вместе со своей дивизией успехи и неудачи лета 1914 – зимы 1915 г. С присущей ему честностью и искренностью он описывает безрадостные реалии жизни дивизии во время боевых действий, предшествовавших его пленению. Внимание автора сосредоточено не на общей стратегической обстановке, а на лишениях и тяготах солдатской службы и быта, на событиях, непосредственным участником которых ему довелось быть.

УДК 93
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-9950-0462-2

© Розеншильд фон
Паулин А. Н., 1914-1915
© Издательство «Кучково
поле», 1914-1915

Содержание

Судьба русского офицера	5
Дневник. Воспоминания о кампании 1914–1915 годов	11
Вместо предисловия[1]	11
Часть I	12
Получение дивизии и прибытие в Виленский округ	12
Прибытие в Ригу и прием дивизии	13
Впечатление о чинах штаба, командирах бригад и полков	14
Полки дивизии	16
29-я артиллерийская бригада	17
Впечатление о командире корпуса и чинах корпусного штаба	17
Переход дивизии на зимние квартиры	18
Объявление мобилизации	19
Формирование полусотни конных разведчиков	20
Офицер для службы связи	21
Офицеры-ординарцы начальника дивизии	21
Автомобиль, мотоциклетки и самокаты[26]	21
Осмотр охранных частей	22
Укомплектование дивизии	23
Проверка дивизионного обоза и военно-врачебных заведений	23
Отправка семьи и вещей в Петроград	24
Молебн по случаю мобилизации	25
Мое походное снаряжение	25
Организация дивизионной телефонной команды	25
Офицерское собрание дивизионного штаба	26
Бомбардировка Либавы[34]	26
Захват в Риге немецкого коммерческого парохода	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Анатолий Николаевич Розеншильд фон Паулин Дневник: Воспоминания о кампании 1914–1915 годов

Судьба русского офицера

Великая война, ныне более известная как Первая мировая, оставила глубочайшее впечатление в умах современников. Небывалый размах боевых действий, невиданных размеров армии, устрашающие своей мощью средства уничтожения – артиллерия и отравляющие газы, чудеса техники – аэропланы и аэростаты поражали разум как участников боевых действий, так и людей, видевших лишь отголоски войны в виде раненых и увечных. Как и любое событие мирового масштаба, Великая война оставила после себя целый шлейф из воспоминаний, иногда написанных еще до ее окончания и содержащих в себе бесценные исторические свидетельства реалий своего времени. И если мемуаристам, запечатлевшим Великую войну со стороны стран Антанты или Центральных держав, довелось получить внимание прессы, исследователей и даже широкого круга читателей, то русская мемуарная литература о той войне оказалась незаслуженно забыта. В советское время на изучение «Первой Империалистической», как называли тогда Первую мировую войну, было наложено негласное табу, и если в довоенный период ее операции хотя бы рассматривались в системе военного образования, то после окончания Второй мировой предыдущая мировая война была предана забвению, а вместе с ней были похоронены под спудом десятки и сотни мемуарных трудов ее участников. Единственное, что изредка проскакивало в широкую печать, – как правило, весьма лаконичные воспоминания маститых советских полководцев о молодости, проведенной в окопах Великой войны, а весь огромный пласт мемуарной литературы того времени оставался недоступен для широкого читателя.

Ныне мы имеем уникальную возможность превратить тот жалкий ручеек информации об участии Российской империи в Великой войне в широкий поток. Постепенно возрастающий интерес общества к Первой мировой формирует определенный запрос на публикацию мемуарной литературы того периода, а деидеологизация этой тематики позволяет публиковать воспоминания без оглядки на их содержание, руководствуясь только критерием исторической ценности источника. И одним из таких ценнейших источников являются воспоминания генерал-лейтенанта Анатолия Николаевича Розеншильда фон Паулина, начальника 29-й пехотной дивизии Российской Императорской армии, прошедшего свое соединение через все испытания операций осени 1914 г. и разделившего его судьбу в феврале 1915 г. в Августовских лесах, оказавшись в немецком плену.

Анатолий Николаевич Розеншильд фон Паулин являлся представителем прослойки военных профессионалов, составлявших основу Российской Императорской армии. Все обширное семейство Розеншильдов так или иначе было связано с военной службой, и Анатолий Николаевич не стал исключением. Он родился в Витебской губернии 10 декабря 1860 г. (по старому стилю). Выбор военной карьеры был уже predetermined всем семейным укладом, и, как само собой разумеющееся, начальное образование Анатолий Николаевич получил также военное в Полоцкой военной гимназии, которую и окончил в 1877 г. Сразу после ее окончания он был принят на военную службу и поступил в 1-е военное Павловское училище в Санкт-Петербурге, готовившее офицеров пехоты. Павловское училище не считалось

столь элитным, как Пажеский корпус, в котором получали образование отпрыски самых аристократических родов империи. Не было оно и столь престижным, как Николаевское кавалерийское, не готовило «армейскую аристократию», как Михайловское артиллерийское, и не слыло «рассадником либерализма», как Николаевское инженерное училище. Павловское училище готовило офицеров для пехоты – станového хребта армии, и отличалось строгой дисциплиной, высоким уровнем военного образования, отличной выправкой и отсутствием какого-либо «цука» (системы неуставных взаимоотношений, сходных с дедовщиной), вошедшего в традицию наиболее привилегированных военно-учебных заведений. Обучение в строгом, не допускавшем вольностей Павловском училище наложило серьезный отпечаток на характер Розеншильда, не терпевшего разгильдяйства, безответственности, нерешительности и некомпетентности. Юнкеры изучали тактику, военную историю, артиллерию, фортификацию, топографию, законоведение, Закон Божий, военную администрацию, механику и химию, а также русский, французский и немецкий языки. Из училища Анатолий Николаевич был выпущен 8 августа 1879 г. по 1-му разряду, то есть имел не менее 8 баллов в среднем за знания всех предметов программы и 10 баллов по знанию строевой службы. Как имевший средний балл более 9, Розеншильд был выпущен прапорщиком не в армейские части, а в Императорскую гвардию – привилегия, заслуженная немногими выпускниками училища. Первым местом службы Анатолия Николаевича стал лейб-гвардии 4-й стрелковый Императорской фамилии батальон. Традиции и обычаи гвардии задали высочайшие стандарты к военной службе, пронесенные Розеншильдом через всю жизнь. С другой стороны, производство по окончании училища явно не оправдало надежд новоиспеченного гвардейца: двоюродные братья и дядя Анатолия Николаевича служили в наиболее престижных гвардейских полках, а ему пришлось делать карьеру в одном из наименее привилегированных подразделений гвардии. Да и продвижение по служебной лестнице шло медленно: произведенные в гвардию из училищ офицеры всегда были несколько особняком от всего гвардейского сообщества, ведь в гвардии было принято выслуживаться в офицеры из вольноопределяющихся своего полка. Чтобы попасть в гвардейский полк вольноопределяющимся, была необходима протекция кого-либо из его офицеров, а такой протекцией Анатолий Николаевич, очевидно, не обладал. Производство в офицеры одного из полков 1-й или 2-й гвардейских пехотных дивизий позволяло начать блестящую карьеру, но лейб-гвардии стрелковые батальоны не предоставляли подобной возможности. Вероятно, прапорщик Розеншильд, так усердно учившийся в училище, считал себя незаслуженно обойденным, что во многом объясняет его дальнейшую военную судьбу. В лейб-гвардии 4-м стрелковом батальоне Розеншильд прослужил до 1885 г., когда в звании поручика поступил в Николаевскую академию Генерального штаба. Окончание этого престижного учебного заведения с хорошими баллами обеспечивало офицеру дальнейшую карьеру, в противном случае получить должность выше, чем командира армейского полка, было практически невозможно. По выпуске из академии офицер причислялся к Генеральному штабу и получал доступ к должностям в штабах дивизий и корпусов. Отбор в академию был очень строгий, а квота для поступающих невелика – не более 300 офицеров в год могли проходить обучение в стенах академии. Анатолию Николаевичу удалось не только поступить в академию и продержаться в ней все два года обучения, но и окончить ее по 1-му разряду 7 апреля 1887 г. Это означало, что Розеншильд был вынужден оставить свой полк, в котором числился все время обучения, и был прикомандирован к Генеральному штабу с присвоением следующего чина – привилегия окончивших академию по 1-му разряду гвардейцев и инженеров.

Сразу по окончании академии Анатолий Николаевич был назначен состоять при Виленском военном округе в звании штабс-капитана. В ноябре того же года он был произведен в капитаны и был назначен в штаб 28-й пехотной дивизии. Так сложилась его судьба, что в пехотных частях Виленского округа началась его армейская служба, с ними же довелось разделить и горечь поражения, и унижение плена. Розеншильд, чьей «неразделенной любовью» была гвар-

дия, не любил и не понимал армии, ее духа, ее традиций, ее офицеров и солдат. Это ярко отразится впоследствии, на полях сражений Восточной Пруссии, а пока капитан Розеншильд продвигается по карьерной лестнице при штабах соединений Виленского военного округа. Строевую должность в армейских частях он занял лишь однажды, когда 15 октября 1888 г. принял под начало роту 111-го пехотного Донского полка 28-й пехотной дивизии. Этот шаг был предпринят из соображений прохождения ценза, так как без стажа командования ротой права занимать должности в Генеральном штабе у офицеров не было. В качестве ротного командира Анатолий Николаевич прослужил год и по получении необходимого стажа снова перешел на штабную работу, сначала в Виленском, затем в Омском военном округе. В это время Розеншильду наконец удается сделать блестящую карьеру, получив чин полковника 2 апреля 1895 г. И снова он занимает строевую должность для ценза, ради карьеры, но на этот раз в гвардии: с 7 мая по 17 сентября 1897 г. командует 1-м батальоном лейб-гвардии Финляндского полка лишь потому, что без четырехмесячного командования батальоном офицер не имел права командовать полком.

Вплоть до 1903 г. Анатолий Николаевич не занимает никаких видных должностей, казалось бы, карьера его застопорилась. Лишь с февраля 1899 по февраль 1900 г. занимал должность начальника части по изданию уставов и положений об образовательных учреждениях при Генеральном штабе. Полковник, он не имеет полноценного опыта командования ни ротой, ни батальоном, а для дальнейшего продвижения по службе ему необходимо получить полк. Его амбиции не удовлетворены, а ощущение несправедливости лишь сильнее портит его характер и без того желчный и неуживчивый. Необходимо отметить, что сам он пишет, что за 36 лет службы лишь три его начальника были «благородные люди». Сложно сказать, что Анатолий Николаевич подразумевал под этими словами, но его непростые взаимоотношения с начальством однозначно были причиной карьерных трудностей. Только 3 февраля 1903 г., почти через восемь лет после присвоения полковничьего чина, Розеншильд получает свой полк – 7-й стрелковый полк 2-й стрелковой бригады. Это назначение явно не радует его – стрелковые части в то время считались частями второго сорта, считалось, что они пригодны лишь для борьбы с иррегулярными формированиями – китайцами, горцами, бандитами, переподготовки запасников, обучения пополнения. Тем не менее именно во главе этого полка Анатолию Николаевичу предстояло проявить себя на промерзших полях Маньчжурии. Летом 1904 г. его полк был отобилизован, приведен в четырехбатальонный (в мирное время стрелковые полки состояли из двух батальонов) состав военного времени и в составе своей бригады был отправлен на театр военных действий. Бригада находилась в резерве 2-й армии вплоть до 13 января 1905 г., когда была привлечена к атаке селения Сандепу, до этого уже неудачно атакованного подразделениями 14-й пехотной дивизии. Новая атака деревни обернулась ничем и стоила 7-му стрелковому полку большой крови, однако в ходе боя Розеншильд продемонстрировал такие важные для полкового командира качества, как решительность, твердость и стойкость, впоследствии еще ярче проявившиеся в годы Первой мировой. За это дело Розеншильд был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Вскоре стрелкам Розеншильда выдался еще один случай подтвердить свою боевую репутацию. В ходе Мукденского сражения 21 февраля 7-й стрелковый полк занял оборону в деревне Сяtxзы на северном фланге русских армий, подвергавшегося постоянным атакам японцев. Стрелки удерживали деревню три дня, отбивая приступ за приступом. Сам Розеншильд в этом бою был контужен, однако продолжал руководить своими солдатами. За эти отважные действия в июне 1905 г. ему было пожаловано звание генерал-майора, не по старшинству, а «за боевые отличия», а также золотое оружие «За храбрость».

После краткого командования 2-й бригадой 10-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии в ноябре 1905 г. Розеншильд принял командование лейб-гвардии 1-м стрелковым Его Величества батальоном, а в 1906 г. причислен к Свите Его Величества. Тень стрелковых частей

словно витает над Розеншильдом, ибо даже в гвардии он служит в условно второсортных частях. Стоит отметить, что «второсортность» стрелковых частей была мнимой, во всех войнах и кампаниях, в которых им довелось участвовать, стрелковые полки и батальоны нередко показывали лучшие боевые качества, нежели «перворазрядные» пехотные части, и сам же Розеншильд во главе 7-го стрелкового полка убедительно доказал это, но тем не менее его явная забота о внешнем статусе все больше создавала убеждение его недооцененности начальством. После лейб-гвардии 1-го стрелкового батальона в 1907 г. Розеншильд получает должность ответственную и важную – начальника Офицерской стрелковой школы в Ораниенбауме.

Офицерская стрелковая школа была специфическим учебным заведением, одновременно бывшим и научно-исследовательским центром. В ней проходили тактическую переподготовку офицеры пехоты, претендовавшие на должности командиров батальонов и полков. Помимо своего основного профиля, Офицерская стрелковая школа проводила целый ряд исследований баллистики стрелкового оружия, разрабатывала тактику его применения, а также вела испытания зарубежного стрелкового оружия. Эффективность работы испытателей школы была такова, что многие зарубежные образцы, еще не успевшие получить широкое распространение в зарубежных армиях, уже проходили испытания на ее полигоне. До Русско-японской войны значение школы в образовании офицерского корпуса было невелико, и ее окончание не давало служебных преимуществ ее выпускникам, но сражения в Маньчжурии показали не всегда удовлетворительный уровень тактических знаний командиров рот и батальонов, и роль Офицерской стрелковой школы неимоверно возросла. Именно при Розеншильде выросло и качество образования слушателей школы, и круг изучаемых предметов. К началу Первой мировой окончание школы говорило о высоком уровне тактических знаний офицера и давало ему преимущественное право получения штаб-офицерского чина.

Розеншильд многое сделал для совершенствования системы обучения офицеров и для развития стрелкового дела в армии. Во время его командования Офицерской стрелковой школой им были разработаны предложения по реформированию военного образования, опубликован ряд статей в «Русском инвалиде» о круге обязанностей офицеров и унтер-офицеров, о стрелковых курсах для широких кругов офицерства. Многие его мысли так или иначе были воплощены в жизнь, так как легли в русло общих настроений, царивших в то время в армии.

Русская пехота на полях Маньчжурии показала высокий боевой дух, желание наступать, стойкость, храбрость и высокую мотивацию; в то же время низкий уровень стрелковой подготовки солдат, общий уровень образования офицеров, нехватка достаточного количества унтер-офицеров, неумение взаимодействовать с другими родами войск, невнятная кадровая политика, ставившая выслугу лет важнее личных качеств и заслуг и перегруженность офицеров обязанностями, существенно снижали ее боевой потенциал. Армия перед Великой войной жила в ожидании перемен, с готовностью их принимала и проводила в жизнь. В ходе военных реформ было очень много сделано для повышения стрелковой подготовки пехоты, тактических знаний офицеров, повышения эффективности обучения солдат. Многие свои идеи Розеншильду пришлось воплощать на практике: в феврале 1909 г. он принял под командование 2-ю бригаду 12-й пехотной дивизии в Виннице, состоявшую из 47-го пехотного Украинского и 48-го пехотного Одесского императора Александра I полков, а затем в ноябре 1911 г. 1-ю бригаду 42-й пехотной дивизии в Киеве (165-й пехотный Луцкий, 166-й пехотный Ровненский полки). Однако из-за своего резкого и неуживчивого характера карьера давалась Розеншильду тяжело – большинство его сверстников и однокашников опередили его в чинах и должностях, а он лишь в мае 1914 г. получает звание генерал-лейтенанта и дивизию – 29-ю пехотную в Риге, из состава 20-го армейского корпуса. Вместе с этой дивизией он вступил в Великую войну и разделил с ней ее участь, попав в плен в Августовских лесах.

Справедливости ради, надо сказать, что высокие служебные качества Анатолия Николаевича позволили ему получить под начало одну из лучших армейских дивизий того времени,

однако презрение к «незаслуженно получившим» чины и должности генералам, зависть чужим успехам, гвардейские замашки сослужили ему плохую службу.

Подчиненные его недолюбливали, отношения с коллегами по должности и вышестоящим начальством были натянутыми. При этом большинство исследователей отмечают его храбрость и решительность на посту начальника дивизии, не подвергавшиеся сомнению современниками. Однако «почерк» Розеншильда как военачальника небезупречен: под Гумбиненом, имея не вовлеченные в бои части, Розеншильд проигнорировал отчаянные призывы начальника 28-й пехотной дивизии Лашкевича и дал немцам разгромить оставленную в одиночестве дивизию. Воспоминания Анатолия Николаевича нисколько не проливают свет на этот эпизод: он лишь отмечает, что 28-я дивизия «панически бежала».

Оказавшись в плену, Розеншильд берется за написание воспоминаний о своем участии в боевых действиях, благо отношение немцев к пленным генералам было на очень высоком уровне и никаких препятствий подобным занятиям не чинилось. Вернуться на родину Розеншильду удалось лишь в конце 1918 г., когда по всей России уже вовсю полыхала Гражданская война. Не колебаясь, Анатолий Николаевич сделал свой выбор, присоединившись к Добровольческой армии. В августе 1919 г. ему удалось отличиться, участвуя в занятии Одессы, после чего он собрал отряд добровольцев и успешно наступал на Киевском направлении, где и действовал против войск Петлюры до самого конца года. После краха белого фронта в начале 1920 г. при эвакуации из Новороссийска Розеншильд провалился в трюм корабля и сломал ногу. Перелом оказался сложным, и, поскольку имевшиеся в распоряжении ресурсы не позволяли осуществлять качественное лечение, пожилого генерала отправили на излечение в Сербию. В ней он и провел остаток жизни, занимаясь тем, что он умел лучше всего – военной службой. Вплоть до самой своей смерти он состоял в инспекции пехоты Военного министерства Королевства Сербии, Хорватии и Словении. В эмиграции Анатолий Николаевич создал несколько трудов по военному делу и истории Первой мировой войны, в которых анализировал причины неудач русских войск и подвергал резкой критике их командование. Скончался генерал-лейтенант Розеншильд фон Паулин 22 ноября 1929 г. по новому стилю в Нови-Саде, где и был похоронен на местном кладбище.

Воспоминания Розеншильда сложно назвать объективными и беспристрастными, как и их автора, и тем не менее являются весьма информативным источником по истории операций Северо-Западного фронта с августа 1914 по февраль 1915 г. Большую ценность его работе придает время создания. В отличие от большинства мемуаров, воспоминания Розеншильда были написаны по свежим следам, многие события не успели стереться из памяти и нашли отражение на страницах его труда, оставшись таким образом увековеченными для потомков. Однако в этих воспоминаниях есть целый ряд особенностей, обращающих на себя внимание.

Прежде всего, бросается в глаза исключительно критический характер оценок, даваемых Розеншильдом как начальникам, так и подчиненным, а также целым подразделениям и соединениям. Личная неприязнь к начальнику 28-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Н. А. Лашкевичу отразилась на общей оценке этого соединения, хорошо проявившего себя в кампании 1914 г. Его негативное мнение о многих полках не подтверждается другими участниками тех событий и крайне спорно. Взаимоотношения Розеншильда с начальством лучше всего характеризует самим им рассказанный эпизод:

«Булгаков был в новеньком пальто с погонами генерала от артиллерии и с Георгиевским крестом. Все это я видел впервые. Когда я подошел к нему и спросил, за какое дело он это получил, то он, видимо, очень рассердился и не знал, что ответить. Должно быть, с этой минуты этот мелочный и тщеславный человек стал моим врагом навек, что я после того неоднократно чувствовал. Так уже почти всю жизнь мне не везет».

Взаимоотношения с подчиненными также не были у него простыми, что хорошо прослеживается на страницах воспоминаний. Почти все оценки командиров бригад и полков, а

также чинов штаба дивизии резко негативные, контрастирующие с прочими фактами. Наиболее яркий пример – полковник Константин Александрович Вицнуда, командир 116-го пехотного Малоярославецкого полка. Розеншильд упрекает его в трусости, малодушии, слабости, нерешительности, однако сам же рассказывает о героическом бое остатков полка во главе со своим командиром 8 (21) февраля при прорыве из окружения в Августовских лесах. Полковник 106-го пехотного Уфимского полка Успенский вспоминал, что последние оставшиеся в живых 40 человек Малоярославецкого полка были окружены немцами. Вицнуда отказался сдаться. Малоярославцы выпустили последние патроны и все до единого были перебиты. Противоречие между героической гибелью полковника и характеристикой, данной им его начальником, вносит сомнения в беспристрастность мнения Розеншильда.

В воспоминаниях протопресвитера Русской армии и флота отца Георгия Шавельского сохранился эпизод, характеризующий самого Розеншильда со стороны его подчиненных:

«При первом наступлении I-й армии, на участке, где действовала 29-я пехотная дивизия, состязались 40 наших орудий с двенадцатью немецкими. Последние скоро замолчали, а вечером обнаружилось, что немецкие войска оставили поле сражения. Когда наши части уже без боя двинулись вперед, то нашли семь брошенных немцами орудий. При этом присутствовал полковник Генерального штаба Бучинский. Как очевидцу, ему пришлось составлять реляцию о действиях дивизии, и он честно и правдиво изобразил происшедшее. Начальник дивизии генерал Розеншильд-Паулин, – и это был один из лучших наших генералов, – прочитав описание, остался недоволен. «Бледно», – сказал он и вернул описание Бучинскому. Не понимая, какая красочность требовалась от правдивого изложения фактов, последний обратился за разъяснением к начальнику штаба.

– Разве не понимаете? – ответил тот. – Надо написать, что орудия взяты с бою, – тогда начальник дивизии, командир полка и командир роты получают Георгиевские кресты.

Сам начальник штаба после этого составил реляцию, но, вероятно, и он все же воздержался от излишней красочности, ибо ни начальник дивизии, ни командир полка не получили Георгиевских крестов. Погоня начальников за Георгиевскими крестами была настоящим несчастьем армии. Сколько из-за этих крестов предпринято было никому не нужных атак, сколько уложено жизней, сколько лжи и обмана допущено! Это знают все, кто был на войне».

И тем не менее, несмотря на нескрываемый пессимизм, обилие исключительно субъективных, основанных на личных отношениях негативных оценок и характеристик, воспоминания Розеншильда не содержат лжи или сознательного искажения фактов. Розеншильд описывал события со своей точки зрения, опускал некоторые нюансы и старался оправдывать свои действия оперативными надобностями, тем не менее генеральная линия воспоминаний не противоречит общей канве мемуаристики своего времени. Анатолий Николаевич был по-своему честным и, даже давая уничтожающе отрицательные оценки, искренне переживал неудачи русского оружия. Его работа обладает важным достоинством – прямоотой изложения собственного мнения, без реверансов в чью-либо сторону. В жесткой критике Розеншильд видел ключ к исправлению ошибок и следовал этому принципу не только всю жизнь, но и на страницах своих работ.

При всей своей спорности и неоднозначности, субъективности и желчности воспоминания А. Н. Розеншильда фон Паулина должны занять свое место в историческом наследии Русской Императорской армии и Великой войны. Они, безусловно, интересны для самого широкого круга читателей, как специалистов, так и любителей истории. Их ценность для изучения действий русских войск в Восточной Пруссии несомненно велика как по объему приведенной информации, так и по подробности изложения, что делает их исключительным по своей уникальности источником.

Н. Грюнберг

Дневник. Воспоминания о кампании 1914–1915 годов

Вместо предисловия¹

Дневник и записки генерал-лейтенанта Анатолия Николаевича Розеншильд-Паулина писались в Германии в 1915–1916 гг. и представляют из себя сырой, необработанный материал.

В одном из писем, приведенном здесь в выдержках, Анатолий Николаевич упоминает об обстановке нервной и мало подходящей для усидчивой работы.

Действительно, каждую минуту можно было ожидать обыска, и поэтому дневник велся урывками, причем неизбежны были повторения и недочеты, особенно стилистического характера.

Все упоминаемые в этом труде даты [даны] по старому стилю.

---

¹ Это краткое предисловие, дополненное биографическими сведениями о Розеншильд фон Паулине, было опубликовано вместе с фрагментами «Дневника» в «Военно-историческом вестнике» (№ 6–8, Париж, 1955–1956). Автор предисловия не установлен.

Часть I

Служба в 29-й пехотной дивизии

25 ноября 1915 года

Торгау на Эльбе

В течение всей кампании я не только не писал дневника, но и не делал никаких замечаний. Причин тому несколько. Но главная в том, что мне не только приходилось командовать дивизией, но и беспрерывно исполнять многие обязанности начальника штаба, так как служба Генерального штаба была в руках неопытного и не полевого офицера полковника Ефимова. Поэтому мне приходилось непрерывно думать не только о крупном, но и о разных мелочах, выполнять работу не только идейную, но и чисто ремесленную.

Если случалось мне что-нибудь забыть, то это почти, наверное, пропадало бесследно, а упущения на войне иногда очень жестоко наказываются. При сложности работы я крайне утомлялся, а отдыха почти не имел, тем более что и ночью меня часто будили.

Затем, опыт показывает, что писать дневники на войне довольно опасно, так как иногда даже неведомыми путями они попадают в руки противника. Каюсь, конечно, что не делал никаких заметок, так как по ним легко было бы все восстановить. Но поздно теперь об этом горевать, и я попробую записать по порядку все, что осталось в памяти, причем чисел и большинства фамилий, очевидно, не помню, так как недавно попал в Виленский округ и почти никого не знал.

Получение дивизии и прибытие в Виленский округ

Начну с того, что весной 1914 г. ко мне подошла очередь получать дивизию, и по возбужденному ходатайству 14 мая я был назначен начальником 29-й пехотной дивизии². Эту дивизию и ее стоянку в Риге я знал уже из своей предыдущей службы и поэтому был очень рад ее получить. Я торопился выехать, чтобы застать лагерный сбор в начале, но получил предписание только 29 мая и поэтому не ранее 30 мая мог прибыть в Вильну, где мне необходимо было явиться тогдашнему командующему войсками генерал-адъютанту Ренненкампфу. Последний был, как всегда, в отлучке, объезжал войска, и я воспользовался временем, чтоб явиться и сделать визиты прочим начальствующим лицам и знакомым. Между прочим, был у Епанчина (командира 3-го армейского корпуса³, моего бывшего начальника 42-й пехотной дивизии⁴),

---

² 29-я пехотная дивизия – кадровая пехотная дивизия первой очереди из состава 20-го армейского корпуса, Виленский военный округ. Сформирована 13 августа 1863 г. в числе 12 пехотных дивизий (с 23-й по 34-ю), развернутых на базе 1, 2, 3 и 5-й резервных дивизий. Штаб дивизии – Рига. На 1914 г. в составе дивизии: 1-я бригада в Либаве (113-й пехотный Старорусский полк, 114-й пехотный Новоторжский полк), 2-я бригада в Риге (115-й пехотный Вяземский генерала Несветаева полк, 116-й пехотный Малоярославецкий полк), 29-я артиллерийская бригада в Риге. Дивизия почти полностью погибла в Августовских лесах в феврале 1915 г., воссоздана на основе вышедших из окружения кадров весной 1915 г., расформирована в начале 1918 г.

³ 3-й армейский корпус – армейский корпус из состава Виленского военного округа, по мобилизации вошел в 1-ю армию генерала П. К. фон Ренненкампфа. Штаб-квартира – Вильно. В состав корпуса в 1914 г. входили 25-я (штаб-квартира – Двинск) и 27-я (штаб-квартира – Вильно) пехотные дивизии, 5-я стрелковая бригада (штаб-квартира – Сувалки, 17, 18, 19, 20-й стрелковые полки, 5-й стрелковый артиллерийский дивизион), 3-я кавалерийская дивизия (штаб-квартира – Ковно, с началом войны выделена из состава корпуса в Сводный кавалерийский корпус), 3-й мортирный артиллерийский дивизион, 3-й саперный батальон, 4-й понтонный батальон, 2-я искровая рота (рота радиосвязи). Командующий корпусом генерал от инфантерии Н. А. Епанчин.

⁴ 42-я пехотная дивизия – пехотная дивизия 1-й очереди из состава 9-го армейского корпуса Киевского военного округа. Сформирована 1 января 1898 г. при переформировании резервных пехотных полков в линейные. Обе пехотные бригады дивизии дислоцировались в Киеве, артиллерийская – в Бердичеве. В 1914 г. начальник дивизии – генерал-лейтенант Г. К. Роде. В состав дивизии входили: 165-й пехотный Луцкий, 166-й пехотный Ровненский (1-я бригада), 167-й пехотный Острожский, 168-й пехотный Миргородский (2-я бригада) полки и 2-я артиллерийская бригада. Дивизия воевала в составе Юго-Западного

который пригласил меня и устроил хороший обед. Ко мне он относился по-прежнему отлично. Затем посетил своих старых знакомых Чагиных и с ними провел вечер. На следующий день узнал, что в 6 часов вечера приезжает Ренненкампф и что его можно видеть, только перехватив при выходе из вагона, так как в тот же вечер он опять куда-то уезжает. Вследствие этого я представился ему на платформе. Впечатление он произвел бодрое, веселое, чисто строевое. Мне понравился.

Весь разговор продолжался на ходу 3 минуты. Он просил ехать скорее и подтянуть дивизию, так как она находилась до этого в несоответственных руках. Тут же на вокзале заведующий передвижением обещал мне купе, и я на следующий день, 1 июня вечером, выехал в Ригу. Про Ренненкампфа много слышал от Чагина, на двоюродной сестре которого был женат Ренненкампф. Он, в общем, хвалил его и говорил, что он отлично знает военное дело и требует только сущность решительных действий. Другие говорили, что Ренненкампф очень страстный человек и особенно, что он любит всякие подарки, угощения и вообще взятки чем бы то ни было, причем не отгоняется ничем. Это навело меня на тяжелые размышления, так как я такими делами не занимаюсь. Все это, к сожалению, оказалось правдой. Тут же узнал, что отношения между Ренненкампфом и начальником штаба округа Милеантом очень натянутые и что дело от этого сильно страдает.

Прибытие в Ригу и прием дивизии

2 июня утром я приехал в Ригу. По дороге обдумал все и составил программу, чтобы все произвело наилучшее впечатление. Я ехал с восторгом, так как давно мечтал командовать дивизией. Все меня интересовало, по каждому вопросу у меня была намечена идейная цель. За отсутствием свободных комнат я остановился не в «Римской гостинице», а в «Империале», на площади у собора⁵. По дороге восхищался красивыми бульварами, и мне вспомнилась прежняя моя жизнь в Риге в 1889–1892 гг., когда я служил здесь в штабе корпуса. В гостиницу тотчас прибыл за отсутствием начальника штаба дивизии Генерального штаба капитан⁶Бучинский, от которого я узнал некоторые сведения и передал ему приказания по поводу моего прибытия в лагерь на следующий день утром для приема дивизии. Командир корпуса генерал Смирнов находился в отпуске, а за него временно командовал корпусом бывший начальник 29-й пехотной дивизии генерал в отставке Архипов, который продолжал жить в доме начальника дивизии в лагере и занимал весь его нижний этаж. По прибытии в лагерь явился ему, причем он встретил меня недружелюбно и произвел крайне плохое впечатление. Тут же сказал, что вследствие вывиха ноги останется еще несколько дней в этом помещении, так как пользуется советами одного из полковых врачей. После этого мне представились в штаб дивизии все начальствующие лица дивизии, а после завтрака, организованного тут же, мною произведен парадный объезд лагеря, который закончился молебном в лагерной церкви и представлением всех офицеров. Не могу не упомянуть здесь, какой несчастной приметой ознаменовалось мое прибытие в лагерь, о чем я узнал только здесь, в Торгау.

Когда генерал Орел ехал встречать меня на вокзал в лагерь в лучшем из полковых экипажей и подъезжал уже к платформе, внезапно сломалось колесо, и когда начали его тут же чинить на скорую руку и затем попробовали ехать дальше, то сломалось и второе колесо.

и Румынского фронтов, расформирована в начале 1918 г.

⁵ Собор – имеется в виду Домский собор, кафедральный собор Риги и главная его достопримечательность.

⁶ Капитан Генерального штаба – капитан, причисленный к Генеральному штабу. Офицерами Генерального штаба называли офицеров, окончивших Императорскую Николаевскую военную академию (до 1909 г. называвшуюся Николаевской академией Генерального штаба) и причисленных к Генеральному штабу. Как правило, такие офицеры проходили службу в качестве штабных офицеров в армейских частях и соединениях, при этом они числились в списках чинов как по Генеральному штабу, так и по тем частям и соединениям, где служили.

Между тем до поезда оставалось только несколько минут, и генералу Орлу с трудом удалось вытребовать с небольшим запозданием другой экипаж.

Впечатление о чинах штаба, командирах бригад и полков

Начальником штаба дивизии был полковник Николай Павлович Ефимов – это тип мало-способного, измельчавшего на штабной работе офицера Генерального штаба, к тому же совершенно не полевого, с привычкой много спать и чрезмерно есть. Полевую службу Генштаба знал плохо, неохотно отрывался от канцелярии, был человек нерешительный и с развитым духом противоречия. К тому же, как оказалось в походе, стоило мне или кому другому лишь принять какое-нибудь решение, чтобы он тотчас не начал перечислять тысячи страхов, вследствие которых будто бы ничего не выйдет или все рухнет, но на замену со своей стороны ничего не предлагал. Бывало, в самую критическую минуту, когда требуется полное спокойствие, он начинал волновать неуместными опасениями и волнение это передавал чинам штаба, меня же заставлял делать большое усилие, чтобы сохранять беспристрастное отношение к делу.

Говорил скоро, невнятным языком, что усугубляло плохое впечатление. Ни в каком деле он не разбирался авторитетно и обстоятельно и только неизменно очень удачно избирал места для тыловых учреждений дивизии. Организаторские способности были настолько слабы, что даже не всегда можно было понадеяться на его распоряжения по размещении штаба дивизии. Во всем надо было вечно самому отдавать приказания, применять понукания, проверять и проч.

Старший адъютант штаба дивизии Генерального штаба капитан Борис Иванович Бучинский – крайне ограниченный и изнеженный человек, к тому же большой сибарит. Медлителен во всем, крайне не энергичен и осторожен, а на поле сражения трус. Не только не мог подать какого-нибудь совета, но не в состоянии был толково передать приказания. По телефону говорил взволнованным, запуганным голосом. В бою терял сознание после первой разорвавшейся вблизи шрапнели. Вообще пользы от него было мало.

Старший адъютант штаба дивизии по инспекторской и хозяйственной части капитан П. П. Корчагин – крайне честный и добросовестный человек, но глупый и невероятно медлительный.

Дивизионный интендант подполковник Каменский – крайне хитрый человек, не пользовавшийся любовью в дивизии, вел дела, по-видимому, осторожно и недурно, но не мог доложить кратко самого простого вопроса. С ним пришлось мало иметь дела, так как он в поход не пошел.

Дивизионный врач Покровский ничего не понимал и ничего не делал. В походе думал только о том, как бы пристроиться к лучшей квартире. Когда приносили раненых, то он никакого участия не принимал и не только, каналья, сам ничего не делал, но допускал до того же безобразия и старшего врача дивизионного перевязочного пункта.

Командир 2-й бригады генерал-майор Алексей Андреевич Орел – насколько я мог убедиться за время краткой совместной службы— был человек крайне добросовестный, старательный и с любовью относящийся к делу, к тому же не упускающий случая поучиться и ознакомиться с каким-нибудь отделом обучения, ему мало знакомым. Всякое поручение он исполнял охотно и не нуждался в проверке. Был сдержан, воспитан и дисциплинирован. С командирами полков был в отличных отношениях и следил за обучением в своей бригаде. Но обладал слишком мягким характером и недостаточной настойчивостью и строгостью, вследствие чего его требования не всегда выполнялись. Во время первого наступления в Восточную Пруссию он безотлучно был при своей бригаде, причем проявил большую выносливость и отличные полевые достоинства. В боях был лично храбр, хладнокровен и распорядителен, но не всегда достаточно настойчив. Во время первого отступления из Восточной Пруссии 21

августа 1914 г. генерал Орел отбился от Вяземского полка, при котором находился, и был взят в плен вблизи Волковышек.

Командир 1-й бригады генерал-майор Гандурин – георгиевский кавалер, окончивший Академию Генштаба⁷ по 2-му разряду, имевший форму одного из Восточно-Сибирских стрелковых полков⁸. Обладал громадной энергией и решительностью, был опытен, самостоятелен и, в общем, понимал достаточно военное дело. Но был несколько бестолков и иногда точно растерян, а в бою плохо понимал обстановку. Он участвовал с дивизией только в первых двух боях, до 8 августа 1914 г., после чего был переведен на должность командира бригады в 80-ю или 81-ю пехотную дивизию, которой командовал на Галицийском фронте С. Д. Чистяков.

Командир 29-й артиллерийской бригады⁹ генерал-майор Савич. Как говорится, «был конь, да изъездился». У него был порок сердца, и вследствие этого он потерял подвижность и контроль над своими нервами, боялся и дрожал, когда выстрелы были слышны даже издали. Как работник в канцелярии был очень добросовестен. В течение всего похода только и занимался канцелярией.

Командир 113-го пехотного Старорусского полка¹⁰ полковник Калишевский – тип воинского начальника. Ничего в строевом и полевом деле не понимал, занимался только хозяйством. Командир бригады генерал Гандурин доложил мне перед выступлением в поход, что с таким командиром полк в большой опасности. Убедившись отчасти в этом, я настоял на его отчислении от полка и на назначении на его место полковника Ольдерогге – старшего штаб-офицера полка.

Командир 114-го пехотного Новоторжского полка¹¹ полковник Иванов. По вступление моем в командование дивизией в этом полку происходила смена командиров. Бывший коман-

---

⁷ Военная академия Генерального штаба – Императорская Николаевская военная академия. Создана 26 ноября 1831 г. на базе Училища колонновожатых под названием Императорской военной академии для «образования офицеров к службе Генерального штаба и вящего распространения военного образования». В академию могли поступить офицеры не младше 18 лет и званием не ниже поручика и не выше капитана армии или штабс-капитана гвардии, артиллерии или инженерных войск. Для поступления в академию необходимо было выдержать экзамены при корпусном штабе, а затем в самой академии. Обучение состояло из двух основных и одного дополнительного курса. Окончившие два курса выпускались в войска, и лишь окончание дополнительного курса обеспечивало причисление к Генеральному штабу. Обучение в академии считалось почетным, а окончившие ее офицеры тем самым, как правило, обеспечивали себе карьеру и занимали впоследствии высокие командные посты. В 1914 г. Императорская Николаевская военная академия располагалась в Санкт-Петербурге по адресу: Суворовский проспект, д. 32.

⁸ Восточно-Сибирские стрелковые полки – пехотные подразделения Русской Императорской армии, созданы в качестве Восточно-Сибирских стрелковых батальонов в 1883 г. для обороны восточных рубежей империи. С 1910 г. – Сибирские стрелковые полки. В 1910 г. было 45 полков. В 1914 г. по мобилизации были сформированы полки с номерами 46–56. Сибирские стрелковые полки, как и все прочие стрелковые части, считались второсортными подразделениями, пригодными лишь для борьбы с иррегулярными формированиями, бандитами и подготовки пополнений, однако, начиная с Русско-японской войны, они показали себя стойкими и упорными частями, способными на равных противостоять регулярным войскам противника. Генерал Гандурин заслужил право ношения мундира 13-го Восточно-Сибирского стрелкового полка за боевые отличия в его составе во время Русско-японской войны.

⁹ 29-я артиллерийская бригада – артиллерийская бригада 29-й пехотной дивизии. На вооружении бригады находились 3-дм скорострельные пушки образца 1902 г. В артиллерийскую бригаду пехотной дивизии входило 6 батарей по 8 орудий каждая, всего 48 3-дм орудий. Такая организация создавала существенные сложности при управлении огнем батарей, а отсутствие на вооружении артиллерийских бригад орудий более крупных калибров, в том числе гаубиц, не позволяло осуществлять полноценную артиллерийскую поддержку действий пехоты. Чрезвычайно удачные 3-дм скорострельные пушки образца 1902 г. обладали слишком настильной баллистикой и недостаточно мощными фугасными снарядами для борьбы с полевыми фортификационными сооружениями противника, что серьезно затрудняло наступательные возможности пехоты. Все эти недостатки организации дивизионной артиллерии вскрылись в первые месяцы Первой мировой войны, что хорошо прослеживается по содержанию текста воспоминаний Розеншильда.

¹⁰ 113-й пехотный Старорусский полк – сформирован 29.11.1796 г. как Рьельский мушкетерский полк в Оренбурге. С 1863 г. – Старорусский пехотный полк. В феврале 1915 г. полк был почти полностью уничтожен в Августовских лесах, воссоздан весной 1915 г., расформирован в начале 1918 г.

¹¹ 114-й пехотный Новоторжский полк – сформирован 30 августа 1763 г. на правах ландмилиции как «Украинского корпуса Староскольский полк». С 1863 г. – Новоторжский пехотный полк. В феврале 1915 г. полк был почти полностью уничтожен в Августовских лесах, воссоздан весной 1915 г., расформирован в начале 1918 г.

дир полковник Пукалов получил другой полк, так как положение его в 114-м пехотном полку было совершенно подорвано благодаря его вечному пьянству и неприличным поступкам. Полком он командовал несколько лет и совершенно развратил офицеров благодаря созданным им партиям и крайне плохому примеру, который подавал лично. Словом, новый командир полка жаловался, что офицеры ему не повиновались, а штаб-офицеры возбуждали против него офицеров. Сам полковник Иванов был назначен из заведующих хозяйством и в строевом и полевом деле не имел авторитета, опытности и знаний, но был человек добросовестный.

Командир 115-го пехотного Вяземского полка полковник Сергей Иванович Войцеховский – человек тихого, мягкого характера – прямо сказать, мямля. Энергии и настойчивости нет. Все делает вяло и медлительно, но, по-видимому, службу понимает и к ней относится добросовестно. Человек отличный, пользуется уважением. В походе все время был при полку и, по свидетельству генерала Орла, в боях держался хладнокровно и безбоязненно. Страдал почками. В последние месяцы до пленения, видимо, мало ходил и сильно ожирел. Приказания старался исполнять добросовестно, но не был способен понудить полк или части его на какое-либо мало-мальски решительное и отважное дело.

Командир 116-го пехотного Малоярославского полка полковник Вицнуда. Несколько лет перед командованием полком был начальником штаба 29-й пехотной дивизии при безвольном, ничего не понимавшем и ни во что не вмешивавшемся начальнике дивизии генерале Архипове. Вследствие этого привык в дивизии всем распоряжаться и к тому, что все слушались его. Господствующая черта характера – непомерная обидчивость, прямо болезненная, благодаря чему у него были вечные неприятности. Все было для него обидно. При этом был непомерно нервен, даже в мирное время, несдержан и бестактен. Полк же держал в строгости и порядке (впрочем, не на войне) и старался ввести все новейшие данные и требования по обучению. Это был тип человека, с которым служить невозможно – вечно находишься точно на пороховой бочке в ожидании неприятностей. На войне оказался страшным трусом, держался непомерно далеко от боевой части и вообще в это время не был близок к полку. Говорят, у него было предчувствие смерти, и это на него сильно влияло. Он был смертельно ранен в бою 6 февраля 1915 г. у реки Волкуш, находясь в резерве, обошедшей ему в тыл небольшой частью противника. Но странно, что на этот бой он как бы сам напросился. Накануне еще он находился в распоряжении начальника 27-й пехотной дивизии¹² и, присоединившись к полкам 1-й бригады 29-й (своей) дивизии, просил, чтобы его оставили при ней, что и было разрешено.

Полки дивизии

Со дня приема дивизии до начала войны я имел возможность только один месяц видеть полки дивизии, и так как в это время шел период ротных учений, то я не хотел мешать, предполагая постепенно провести правильные требования обучения и не запугивать сразу, так как по всему видел, что полки обучены плохо, кое-как, без системы, и что масса как офицеров, так и нижних чинов совсем ничего не знают. На показательной стрельбе убедился, что эта важная отрасль совсем запущена и о боевой стрельбе понятия не имеют. За что ни возьмись, в строевом и тактическом отношении приходилось удивляться, чем это занимались до сих пор. Впрочем, как и всегда, ларчик открывался весьма просто. До меня дивизией 5 лет командовал генерал Архипов, совершенно несведущий, канцелярский человек, к тому же безвольный и

---

¹² 27-я пехотная дивизия – дивизия 1-й очереди из состава 3-го армейского корпуса, штаб-квартира и пункт дислокации – Вильно. Сформирована 13 августа 1863 г. Состав на 1 июля 1914 г.: 1-я бригада (105-й пехотный Оренбургский полк, 106-й пехотный Уфимский полк), 2-я бригада (107-й пехотный Троицкий полк, 108-й пехотный Саратовский полк), 27-я артиллерийская бригада. На 1 июля 1914 г. начальник дивизии – генерал-лейтенант А. М. Адарида, командир 1-й бригады генерал-майор А. М. Яновский, командир 2-й бригады генерал-майор А. Е. Бельямбург. Дивизия расформирована в начале 1918 г.

непомерный эгоист. Вот он-то систематически, при благосклонном участии прочего начальства и распустил дивизию во всех отношениях. Несмотря на присутствие некоторых хороших, дельных офицеров, огромное большинство их в полках было неудовлетворительно, и это невзирая на отличные стоянки, куда можно было привлечь цвет военных училищ. Огромный процент офицеров составляли малообразованные и невоспитанные латыши самого простого происхождения. Порядочных штаб-офицеров в дивизии было наперечет – человек 4–5, остальных же прямо совестно было назвать штаб-офицерами. Все это пристроилось и жило в тишине до поры до времени благодаря отсутствию спроса и страшной запущенности офицерского вопроса в дивизии. Что касается хозяйственной части, то, по-видимому, полки дивизии были обставлены хорошо. Видно, что уже издревле все понемногу заводилось и поддерживалось в приличном виде.

29-я артиллерийская бригада

До войны бригада стояла в лагере под Двинском. Там я два раза видел ее на стрельбе, причем батареи произвели очень хорошее впечатление: самой стрельбой, управлением огня, составом офицеров, видом людей и лошадей и проч. Одним словом, бригада, бывшая и в Маньчжурской кампании¹³, представлялась вполне надежной воинской частью, причем и дисциплина, видимо, была хорошая. Действительно, и в боях бригада оправдала мои ожидания.

Впечатление о командире корпуса и чинах корпусного штаба

20-м армейским корпусом уже несколько лет командовал Генерального штаба генерал Владимир Васильевич Смирнов. Это был старый, добрый эгоист, которому оставался один год до ценза, то есть ему было 66 лет. В Риге он обжился со своей дочерью и проводил приятно время среди угождений окружавших и нескончаемого винта, который составлял главную суть его жизни. Войсками он интересовался мало как потому, что очень немного понимал в современных требованиях, так и чтобы не беспокоить себя напрасно разъездами, ибо старик был крайне ленив, малоподвижен и не всегда здоров. При мне он в лагерь приезжал только один раз, и отсутствие у него интереса ко всему меня просто поразило. Оказалось, по-видимому, что он и в лагерь-то приехал больше для того, чтобы повидать двух знакомых, нежели посетить полки. Не понимаю, например, для чего он приказал автомобилю ехать на стрельбище. По приезде он вылез, постоял, с людьми не поздоровался, и когда я хотел показать ему предпринятые работы, то отклонил этот разговор и уехал. Как мне говорили, он был человек крайне самолюбивый и обидчивый и всегда почему-то подозревал, что ему не оказывают достаточно почтения или обходят. Поэтому, кто хотел жить мирно, должен был ухаживать за ним и угождать, а служба тут была ни при чем. Очевидно, при таких условиях мне было бы не особенно хорошо, так как я провожу в жизнь обратные принципы и кланяться не люблю, особенно перед начальством. Итак, командуя несколько лет корпусом, генерал Смирнов допустил на своих глазах, что этот корпус был совершенно не подготовлен (28-я дивизия¹⁴ была еще хуже 29-й), и, главное, он сам этого совершенно и не сознавал. Удивительно, как у нас это можно, и часто даже бывает, –

---

¹³ Маньчжурская кампания – Русско-японская война 1904–1905 гг.

¹⁴ 28-я пехотная дивизия – дивизия 1-й очереди, в 1914 г. входила в состав 20-го армейского корпуса, штаб – Ковно. Сформирована 13 августа 1863 г. в числе 12 пехотных дивизий (с 23-й по 34-ю), развернутых на базе 1, 2, 3 и 5-й резервных дивизий. Состав дивизии: 1-я бригада в Ковно (109-й пехотный Волжский полк, 110-й пехотный Камский генерал-адъютанта Толя 1-го полк), 2-я бригада в Ковно (111-й пехотный Донской полк, 112-й пехотный Уральский полк), 28-я артиллерийская бригада (Шанцы). Начальник дивизии – генерал-лейтенант Н. А. Лашкевич, командир 1-й бригады – генерал-майор М. Г. Ерогин, 2-й бригады – генерал-майор Е. А. Российский. В феврале 1915 г. дивизия была почти полностью уничтожена в Августовских лесах, воссоздана весной 1915 г., расформирована в начале 1918 г.

быть начальником и приносить только один вред, живя исключительно для самого себя, извлекая все выгоды из своего положения.

Начальником штаба корпуса был генерал-майор Константин Яковлевич Шемякин, тоже чрезвычайно добрый и очень ленивый эгоист, такой же, как и Смирнов, но при этом был помешан на своей полноте. С целью похудеть он с раннего утра ездил верхом и ходил пешком по всему городу, мало обращая внимания на службу, которую совершенно не понимал. Крайне неприятно было видеть на высокой роли начальника штаба корпуса человека, который не имел понятия о службе Генерального штаба. К тому же был нерешительный и не авторитетный. Штабом всецело вертели другие. Как на одну из достопримечательностей Шемякина надо еще указать, что он придавал какое-то особенное значение тому, что на какой-то его троюродной сестре женат адмирал Григорович (морской министр).

Во время лагерного сбора Шемякин находился как раз в отпуске в то именно время, как штаб-офицер Генерального штаба при штабе корпуса полковник Михаэлис отбывал ценз при артиллерии. Всем штабом ведал зазнавшийся капитан Генерального штаба Бабкин, который, пользуясь тем, что Смирнов жил в Иксюле на казенной даче, тоже постоянно отсутствовал и довел дело до того, что даже экстренные бумаги докладывались Смирнову через несколько дней. Таким образом, он как-то раз жестоко подвел Смирнова, за что последний обиделся, считая, что его ни во что не ставят. Одним словом, штаб был ленивый, глупый и сумбурный. Всего не перескажешь.

Переход дивизии на зимние квартиры

12 июля на Двинском полигоне происходила боевая стрельба 2-го дивизиона 29-й артиллерийской бригады с полком пехоты. Я был назначен председателем комиссии, организовавшей эту стрельбу, и поэтому находился в Двинске с 10 июля. 13 июля в 6 часов утра я вернулся из Двинска в Куртенофский лагерь¹⁵, и при входе в квартиру мне передали телеграмму, полученную час тому назад, в которой командующий войсками приказывал немедленно перевести дивизию на зимние квартиры. Безотлагательно были собраны в штаб дивизии командиры частей, и полки еще до полудня, давши обед людям, выступили по домам, исключая Старорусского полка, которому для переезда в Либаву поезд был подан в 3 часа дня. Новоторжский полк в один переход дошел до Митавы. Командирам полков я приказал тотчас по прибытии хорошо ознакомить всех чинов с мобилизационным планом и подготовить все, что возможно для скорейшей мобилизации. Штаб дивизии также в тот же день перешел в Ригу, а я переехал на следующий день и остановился в меблированной комнате на углу Алекс[андровской] улицы против Окружного суда, но здесь пробыл только три дня, после чего переселился окончательно в штаб дивизии, где имелось достаточно помещения. Оставаться в это время на частной квартире в немецком доме было опасно, ввиду наличия разных секретных бумаг, докладов, телефонограмм и пр. Тем временем все пошло своим чередом и даже продолжались состязания на 2-й Всероссийской олимпиаде¹⁶, где я был старшим судьей на состязаниях из ружей. Как раз во время голубиных садок¹⁷ в Петровском лесу я получил уведомление, что меня приглашает командир корпуса. Явившись в штаб корпуса (кажется, 16 июля), я застал там, кроме генерала Смирнова и чинов штаба, еще командира Отдельной кавалерийской бригады Свиты Его Вели-

---

¹⁵ Куртенофский лагерь – лагерь рядом с городом Куртеноф (ныне Саласпилс), также именуемый Петровским, в котором проходила летние лагерные сборы 29-я пехотная дивизия.

¹⁶ Обязательное посещение продолжавшейся еще Олимпиады – имеется в виду Всероссийская олимпиада 1914 г. в Риге. Всероссийские олимпиады были учреждены великим князем Дмитрием Павловичем после провального выступления сборной России на Олимпиаде 1912 г. в Стокгольме для создания регулярной системы подготовки спортсменов. Первая Всероссийская олимпиада прошла в 1913 г. в Киеве, Вторая – в 1914 г. в Риге и так и не завершилась из-за начала Первой мировой войны.

¹⁷ Голубиные садки – стрельба по голубям.

чества генерал-майора Орановского. Шли бестолковые разговоры, и меня никто не ориентировал ни в чем, но сейчас же стало понятно, что ожидается мобилизация и что нужно сделать для того предварительные распоряжения. Так как у меня таковые уже давно выполнялись, то я принял это к сведению. Из разговоров, во время которых присутствовал тут же лифляндский вице-губернатор князь Крапоткин, я видел, что никто не верит в войну. Мобилизация, думали, должна только поугагать. Генерал Орановский, которому надлежало через несколько часов по объявлении мобилизации двинуться через Шавли¹⁸ на Тауроген и произвести вдоль границы разведку широким фронтом, пренаивно спрашивал, нужно ли это выполнять, если будет объявлена мобилизация, и генерал Смирнов, будучи, вероятно, сам под каким-то гипнозом, ничего утвердительно ему на это не отвечал. Вследствие этого у меня невольно сорвалось восклицание, что шутки при мобилизации не допускаются. Из дальнейших происходивших тут споров, как в этот самый день, так и в последующие, когда приходилось заходить в штаб корпуса, я убедился, что здесь только одно лицо имеет значение и хлопочет, и суетится за всех и вся – это именно Генштаба полковник Михаэлис. Видимо, все нити и все распоряжения были в его руках, а генерал Шемякин был безучастен и совсем не ориентирован. Жалко, что полковник Михаэлис был суетлив и непоследователен, иначе было бы больше пользы.

Объявление мобилизации

Все были предупреждены об ожидавшейся мобилизации, и даже по секрету мне было сказано (кажется, 16-го), что таковую надо ожидать через сутки. Относительно войны ничего не было известно, даже не знали, кто кроме нас, примет участие. Около 7 часов вечера, кажется, 17 июля была получена телеграмма, что объявлена общая мобилизация и что война объявлена Австрии, первый день мобилизации 18 июля. Известие тотчас было сообщено командирам бригад и чинам штаба, которые все собрались в штаб дивизии, помещавшийся в это время в грязном одноэтажном доме на углу Школьной и Рыцарской улиц, где к тому же производился еще ремонт. По вскрытии красных пакетов выяснилось, что дивизия через 21 день должна была быть перевезена в Люблин на Австрийский фронт¹⁹, а до тех пор, то есть до формирования в районе Риги нового (кажется, 23-го) корпуса, должна была первой бригадой с дивизионом артиллерии расположиться в Шавлях под начальством генерал-майора Орла и при капитане Бучинском в качестве начальника штаба и укрепить здесь позицию; 2 батальона Малоюрославского полка должны были стать гарнизоном в крепости Усть-Двинск; один батальон этого же полка оборонять побережье от Усть-Двинска до Туккума; две роты от него же в Виндаву²⁰. От каждого полка по одной роте – для охраны железных дорог; один батальон Вяземского полка – для охраны побережья от устья реки Лифляндской Аа²¹ до крепости Усть-Двинск, и остальные 3 батальона этого полка – в Риге, как единственный резерв всего Риги-Шавельского участка. Относительно командировки генерала Гандурина в Брест-Литовск²² вопрос оказался невыяс-

---

¹⁸ Шавли – ныне город Шяуляй Шяуляйского уезда Литвы. В марте 1915 г. город был полностью разрушен немецкими войсками.

¹⁹ Австрийский фронт – Юго-Западный фронт, оперативно-стратегическое командование Русской Императорской армии для действий против армии Австро-Венгерской империи. На 1 августа 1914 г. в составе фронта были 3, 4, 5 и 8-я армии, главнокомандующий – генерал от артиллерии Н. И. Иванов.

²⁰ Виндава – ныне город Вентспилс на западном побережье Латвии, основан в XIII веке Тевтонским орденом.

²¹ Река Лифляндская Аа – ныне река Гауя в Латвии, по которой частично проходит граница с Эстонией.

²² Брест-Литовск – ныне г. Брест Брестской области Белоруссии. 26 августа 1915 г. город был почти полностью разрушен в ходе боев между отступающими русскими войсками и немецкими подразделениями. Рядом с городом находилась Брест-Литовская крепость, ее переоборудование под современные стандарты началось в 1913 г., но к началу Первой мировой войны не было завершено. Крепость была подготовлена к обороне, но во время Великого отступления 1915 г. ее удержание было признано нецелесообразным. Перед оставлением русским гарнизоном 21 августа 1915 г. большая часть современных укреплений была взорвана

ненным, и поэтому он просил отправить его в Шавли вместо генерала Орла, чтобы быть вместе со своей бригадой, что и было разрешено. Пока же он отправился в Либаву²³, чтобы быть на своем месте при мобилизации Старорусского полка. До глубокой ночи сидел я в кабинете начальника штаба дивизии и разбирался во всех этих сведениях. Весь следующий день посвятил изучению Шавельского района и Рижского побережья. В штабе дивизии работа кипела, и я имел возможность каждую минуту лично справляться, что делается, и разъяснять недоразумения.

Формирование полусотни конных разведчиков

Одной из первых моих забот было сформировать полусотню конных разведчиков наподобие того, как таковые были при некоторых Сибирских стрелковых полках во время Маньчжурской кампании и принесли, как известно, огромную пользу. Для этого были выбраны 70 лошадей верхового типа из числа поставленных по военно-конской повинности²⁴ – по 10 голов от полка и артиллерийской бригады и 20 от разных учреждений дивизии. Люди были поставлены от полков из числа бывших конных ординарцев, из пеших разведчиков, умеющих ездить верхом, из попавших кавалеристов и проч. Старых плохих седел из всей дивизии и артиллерийской бригады удалось собрать около 30, а 50 новых кавалерийских седел с полным прибором было выписано экстренно из Москвы и, к счастью, своевременно получены. Командиром полусотни был назначен поручик 115-го пехотного Вяземского полка Гартман, вернувшийся из Академии Генштаба по случаю объявления мобилизации, а помощником ему подпоручик Старорусского полка Каменков. Оба оказались хорошими офицерами, особенно последний, который и оставался почти до конца, тогда как поручик Гартман оказался недостаточно деятельным и был отчислен в свой полк после первого отступления из Восточной Пруссии. Сразу оказалось некоторое количество неподходящих и людей, и лошадей, и их пришлось заменить, а отчасти и совсем отчислить, и, в общем, в полусотне ко времени выступления в поход было налицо, кажется, 64 всадника. Из них многие ездили очень плохо и не знали ухода за лошадью и только постепенно обучились этому уже на походе, особенно после того, когда к дивизии прикомандировали два эскадрона павлоградских гусар²⁵. Конные разведчики применялись почти исключительно для службы связи и в этом отношении принесли ничем незаменимую пользу. Работа их была отменна и без отказа днем и в глухую ночь, на крайне пересеченной местности и даже под огнем. Благодаря конным разведчикам можно было от полков не брать конных ординарцев, что для них было весьма важно. Затем можно было дать каждому бригадному командиру по 5–6 надежных человек и, наконец, дивизионной конницей пользоваться исключительно для разведки, благодаря чему и сия последняя была поставлена в благоприятные условия для работы. Конечно, у многих были поползновения пользоваться дивизионными конными разведчиками, и мне лично приходилось следить очень часто за их расходом. Ко времени пленения штаба дивизии их оставалось налицо, кажется, 44 человека. В это время ими командовал поручик 29-й артиллерийской бригады Бабин. На всех ночлегах конные раз-

---

²³ Либава – ныне Лиепая, Латвия. Город носил название Либава с 1795 по 1919 г. К началу Первой мировой войны – крупный порт, военно-морская крепость, верфь и курорт на побережье Рижского залива; военно-морской порт входил в передовую позицию Морской крепости императора Петра Великого.

²⁴ Конская повинность, военно-конская повинность – обязанность населения Российской империи при мобилизации поставить в вооруженные силы определенное количество лошадей, введенная в 1876 г. В годы Первой мировой войны конская повинность регулировалась законом 1896 г., согласно которому запрещалось изымать у владельца более половины лошадей, а за каждую призванную на службу лошадь выплачивалась компенсация. Не подлежали призыву лишь необходимые для несения государственной службы лошади.

²⁵ 2-й лейб-гусарский Павлоградский императора Александра III полк – сформирован как Днепровский пикинерный полк 20 июня 1764 г. С 1801 г. – Павлоградский гусарский полк. В 1914 г. полк входил во 2-ю бригаду 2-й кавалерийской дивизии, командир полка – полковник Перевошиков, дислокация – Сувалки. Расформирован в начале 1918 г.

ведчики располагались обязательно вместе со штабом дивизии и днем и ночью выставляли посты для охранения и наблюдения. Кроме того, всегда были наготове очередные всадники с поседланными лошадьми. Части дивизии освобождались от нарядов специального конвоя для охраны штаба дивизии.

Офицер для службы связи

Для ведения журнала военных действий я прикомандировал к штабу дивизии поручика Вяземского полка Лбова, окончившего два класса Военной академии. В его ведении находилась стратегическая двуколка со столом-планшетом, на котором наносилась обстановка. Все получаемые и отправляемые полевые записки и телефонограммы шли через него. В стратегической двуколке возился запас карт, полевых книжек, канцелярских принадлежностей, шапирограф, свечи и закуска для штаба дивизии. Двуколка эта ни при каких обстоятельствах не отставала от штаба дивизии и шла по дорогам и без дорог, обгоняла колонны войск и одновременно прибывала на привал и ночлег. При двуколке, кроме конюха, находился всегда расторопный писарь. Она сильно облегчала службу связи. Полевой журнал входящих и исходящих пакетов вел начальник команды конных разведчиков, отмечавший в нем время и имена всадников. Хотя в этот намеченный мною порядок мне и приходилось иногда вмешиваться и его контролировать, но, в общем, работа была очень добросовестная, и чины штаба не могли нахвалиться на эту организацию. Благодаря прикомандированию поручика Лбова удалось закончить все журналы военных действий своевременно и аккуратно подобрать все полевые записки.

Офицеры-ординарцы начальника дивизии

При мобилизации в мое распоряжение были назначены ординарцы – от Новоторжского полка подпоручик Дмитровский и от Малоярославского полка подпоручик Вишняков. Кроме того, я прикомандировал от 29-й артиллерийской бригады поручика Каменева, чтобы их было 3 человека (на 3 смены). На них было возложено дежурить по очереди днем и ночью при всяких обстоятельствах. Ночью дежурный распечатывал полевые пакеты и принимал телефонограммы. Если не было ничего спешного, то оставлял до утра; если же было спешно или требовалось разрешение или указание, а также в сомнительных случаях будил начальника штаба дивизии, который и решал, нужно ли разбудить меня. Утром при подъеме делал мне и начальнику штаба доклад за ночь. Один из офицеров-ординарцев на походе ехал всегда непосредственно за мною, и если я куда-нибудь отлучался в сторону или объезжал войска, то сопровождал, что бывало очень часто.

Автомобиль, мотоциклетки и самокаты²⁶

Эти принадлежности для службы связи в современной войне составляют обязательную принадлежность каждого штаба. К сожалению, у нас штабу дивизии ничего не полагается. Четырех самокатчиков с самокатами я прикомандировал к штабу – по одному из полков. Что касается автомобиля и мотоциклеток, то они получились совершенно случайно. Кажется, на 3-й день мобилизации к Либаве подошла немецкая эскадра и открыла огонь по городу. Командир порта (не помню фамилии этого адмирала) до того испугался, что приказал жечь все портовое имущество и бросать его в воду. В том числе решено было бросить в воду портовый автомобиль и четыре мотоциклетки. Мобилизовавшийся в это время в Либаве Старорусский полк спас эти вещи и воспользовался ими, а я, в свою очередь, взял их для штаба дивизии. Автомобиль

---

²⁶ Самокат – имеется в виду велосипед.

достался вместе с отличным шофером, и хотя он был устарелой системы и слабосильный, но он отслужил отлично до 30 августа 1914 г., когда попал в плен вместе с и. д. дивизионного интенданта капитаном Лахтуровым, который пользовался им для служебных поездок. На мотоциклетки нашлись ездоки из вольноопределяющихся, причем одну мотоциклетку испортили и бросили во время отступления 30 августа 1914 г., а другая прослужила до зимы, впрочем, уже без особой пользы, так как, кажется, слишком миндальничали с ее седоком. Во время стоянки дивизии на р. Дейм совершенно неожиданно (около 20 августа 1914 г.) из запасов армии прислали в мое распоряжение один плохой, слабосильный автомобиль, и кроме того, в имении одного немецкого графа был захвачен Вяземским полком очень красивый, легкий и быстрый автомобиль красного цвета, которым я и пользовался потом, предоставив остальные автомобили капитану Лахтурову, который за это доставал нам бензин в неограниченном количестве.

Этот красный автомобиль служил мне отлично с либавским шофером до начала второго отступления из Восточной Пруссии, когда вследствие невероятной распутицы застрял где-то близ Гольдапа и за невозможностью его вытащить и двигаться был, как я узнал потом, брошен шофером и, кажется, им испорчен. Помню, еще во время мобилизации в Риге получено было известие, что в Таурогенской таможене задержано несколько немецких автомобилей, и генерал Смирнов предложил мне еще тогда взять один из них с тем, чтобы по окончании войны заплатить небольшую сумму, около 1500 рублей, но ввиду такой неопределенности, я, к счастью, отказался. Во всяком случае, штаб дивизии, как видно, был мною вполне обеспечен средствами связи, каковых ни в одном штабе не было.

Осмотр охранных частей

В один из дней мобилизации я поехал на наряженном мне тогда еще от города автомобиле для осмотра батальона Вяземского полка, охранявшего побережье от устья р. Лифляндской Аа до крепости Усть-Двинск. Дорога шла сперва по шоссе, до перешейка между озерами Стинд и Иегель, а затем сворачивала лесами по очень живописной дороге. По пути я нагнал какую-то в полном беспорядке идущую часть Вяземского полка (человек 400). Никогда не видел еще такой безобразной картины. Вперемежку с солдатами шли бабы и дети. Бабы несли ружья, а дети – снаряжение своих мужей и отцов. Все это по дороге ело, курило, садилось где угодно и растянулось на огромном протяжении. Оказалось, что эта безобразная орава была укомплектование для 1-го батальона Вяземского полка, расположенного там, куда я ехал, и вел эту беспардонную команду полковник Эрасмус, который и сам впоследствии оказался точно таким же беспардонным, как и эти люди. Конечно, вся эта ватага мною была тотчас остановлена и приведена в христианскую веру, начиная с полковника Эрасмуса. По приезде в 1-й батальон я произвел там тревогу, объехал верхом всю позицию и проверил некоторые караулы и посты. Все оказалось в порядке, начиная с самого батальонного командира подполковника Медера, недавно прибывшего в полк и оказавшегося не только очень добросовестным, но и вполне доблестным офицером, убитым, к сожалению, в бою под Шершином 7 августа 1914 г. Другой раз я поехал для проверки расположения близ Шлока. Дорога шла сперва по шоссе, а потом лесом между оз. Вабит и р. Курляндской Аа²⁷. Песок был глубокий, и автомобилю было трудно двигаться. В Шлоке на плавучем мосту меня встретил командир батальона Малоярославского полка подполковник Никольский (3-го батальона) и доложил об обстановке и, между прочим, сообщил, что ратники ополчения²⁸ окапывают позицию близ Шлока. Вот, значит, с

---

²⁷ Река Курляндская (Западная) Аа – ныне река Лиелупе в Латвии.

²⁸ Станцию охраняли ополченцы – в 1914 г. в соответствии с мобилизационным расписанием 1910 г. было создано ополчение, в которое призывали ратников ополчения 1-го разряда. Ополчение должно было взять на себя все вспомогательные функции, такие как караульная служба, охрана дорог и железных дорог, этапов и транспортов, обеспечение связи и сообщения, а также ремонтно-восстановительные работы в тылу действующей армии. Это позволило освободить кадровые части от

каких пор там началась подготовка и действительно не пропала даром. А кто мог тогда думать, что немцы обложат Ригу. Значит, соображения мирного времени были правильны. Подполковник Никольский оказался очень хорошим и доблестным батальонным командиром. Он был убит во время боев конца сентября 1914 г. в Сувалкской губернии, недалеко от фольварка Ганча. Во время этих объездов по окрестностям Риги пришлось слышать разные небылицы, распространяемые среди народа. Так, утверждали, что умер император Франц-Иосиф и что это скрывают; что Ренненкампф передался на сторону немцев и бежал в Пруссию, где служил его брат; что немцы тайно собираются в разных местах и прокладывают по лесам дороги со стороны Рижского залива к Двинску и Якобштадту²⁹. Последний слух возник, как оказалось, вследствие того, что в течение этого лета вдоль участка железной дороги Рига – Двинск и в разных других местах Лифляндии и Курляндии в конце июня и в начале июля шли непрерывные и очень опасные лесные пожары, для тушения которых приходилось делать огромные наряды войск. Одно время от дивизии для этой надобности было в расходе 20 рот. Весьма вероятно, что пожары эти производились с целью волновать народ и отвлекать войска от занятий, подобно тому, как с тою же целью в это время происходили большие забастовки на разных фабриках.

Укомплектование дивизии

В период мобилизации мною осмотрено было укомплектование только в Вяземском полку и отчасти в артиллерии. В большей части это были местные латыши, и настроение их было хорошее, но наружный вид был очень плохой. Офицеры уверяли, что они будто рвутся в бой, так как ненавидят немцев. На деле это далеко не оправдалось. Казармы были окружены женщинами и детьми, и некоторых кормили в ротах. Я приказал назначить определенные часы свиданий. Посетив занятия некоторых рот, убедился в очень плохих познаниях в полевом деле и в крайней малоподвижности людей. Люди же, прибывшие в артиллерийскую бригаду, также из местных жителей, были настолько хороши, что, по заявлению некоторых батарейных командиров, уже с 3-го или 4-го дня они почти не отличались от старослужащих. Лошади, прибывшие по конской повинности, были очень посредственные. Попадались часто очень массивные лошади, а также городские упряжки, которые были или слабы, или с пороками. Верховых лошадей было очень мало. Видно было, что лучшие лошади укрываются, так как в таком богатом городе, как Рига, трудно было ожидать столько одров³⁰.

Проверка дивизионного обоза и военно-врачебных заведений

Прежде всего, я приказал всем военным врачам произвести их учреждениям походное движение в лагерь и обратно, имея всех чинов в строю и с полной укладкой. Для этого они должны были прибыть на одну из городских площадей, откуда и двинуться сообща. К назначенному часу явились не все, некоторые боялись сесть верхом и поэтому не привели лошадей, и, вообще, проявился полный беспорядок. Сделав соответствующие указания и распустив их, приказал на следующее утро собраться вновь. После этого они совершили указанное походное движение, которое принесло им большую практическую пользу. Через два дня после этого весь

всех второстепенных обязанностей и максимально широко их использовать в боевых действиях. Ополчение формировалось в уездных и губернских городах, низшей организационной единицей была дружина (всего было сформировано 769 дружин), которые сводились в бригады, дивизии и корпуса. Ополчение было расформировано в 1918 г.

²⁹ Якобштадт – ныне город Екабпилс в Латвии в 90 километрах от Даугавпилса (Двинска). Основан в 1237 г. Тевтонским орденом в качестве укрепленного замка Крейцбург. До 1962 г. Крейцбург (Круцпилс) и Якобштадт (Екабпилс) были разными городами, до 1918 г. Крейцбург входил в состав Витебской губернии Российской империи, а Якобштадт – в состав Курляндской.

³⁰ Одёр, одра – старая измученная рабочая лошадь.

дивизионный обоз был собран на большом плацу по дороге в Петровский лес и там подробно мною осмотрен во всех отношениях. Во время этого смотра произошла возмутительная вещь. На этом же плацу, где я производил смотр, производила учение 2-я батарея 20-го мортирного дивизиона, прибывшая во время смотра и занявшая как раз то место, по которому должен был проходить весь обоз, повозка за повозкой, мимо меня для осмотра запряжек и укладки на походе. Как только двинулись повозки, им пришлось остановиться, так как батарея загоразживала путь. Я послал офицера просить подполковника Долгова отойти в другое место. На это он ответил, что он здесь занимается и отойдет через 10 минут, когда окончит. Я послал вновь уже приказание немедленно увести батарею. Он сообщил, что ответ им уже дан. Тогда я вынужден был послать в третий раз самого начальника штаба дивизии с соответствующей угрозой и с приказанием явиться ко мне. Только после этого он отвел батарею, но не явился. Тогда я подал рапорт Смирнову, так как никогда еще не видел подобного нарушения дисциплины со стороны штаб-офицера. Смирнов решил предать его суду, если я не прощу. Долгов явился ко мне с повинной в то время, когда я обедал в ресторане. Зная, что он, за исключением своего всем, оказывается, известного нахальства, отличный батарейный командир и превосходно стреляет, сделал ему соответствующее внушение и ввиду войны простил. Действительно, он после этого случая стал шелковым. Неоднократно бывая под моим начальством во время войны, не забывался, и я жаловаться не мог, но от всех слышал, что батарея Долгова лучше всех стреляет и все были довольны, когда она находилась на боевом участке.

Отправка семьи и вещей в Петроград

Когда с переходом дивизии на зимние квартиры я переехал в Ригу, то семья моя до выяснения обстановки переехала из лагеря в Мариенгоф³¹, где удалось найти с трудом плохие мебелированные комнаты, до того все в это время было переполнено. Когда объявили мобилизацию, то семья моя переехала в Ригу в те мебелированные комнаты, где я раньше останавливался. Причем это было не особенно легко, так как поезда брались штурмом ввиду опасения, что немецкий флот появится в Рижском заливе и начнет обстреливать побережье, а также вследствие объявления, что на побережье и обратно будет ходить лишь один поезд в сутки. Стремление уехать поскорее было столь велико, что многие шли пешком в Ригу, неся с собою, что могли захватить, – остальное бросали. Все, что только было приезжего, а также семейства многих служащих и почти всех военных стремились покинуть Ригу. Несметные толпы запружали вокзал и прилегающую местность. Вся платформа вначале была завалена багажом. Проникнуть в кассы было почти невозможно. Поезда брались приступом, и публика насаживалась в поезд во время его подачи от Александровских ворот. Поезда уходили набитые до отказа, включая все площадки и даже крыши вагонов. Никакие кондуктора и жандармы не могли ничего поделать. Благодаря любезности и содействию станционного коменданта мне на 24 июля было предоставлено купе 1-го класса. Дело заключалось теперь только в том, чтобы воспользоваться этим купе и не дать никому другому его захватить. Поезд должен был отойти в 10 часов утра, мы явились на вокзал за 2 часа. Я привел с вещами караул из денщика и трех расторопных писарей. При помощи их и непосредственного все время участия своего и коменданта удалось сдать багаж и надблести, чтобы его взяли в поезд. Затем ворваться в вагон, причем в наше купе уже забрались двое каких-то штатских, которых и пришлось выдворить. Только таким образом можно было моей семье уехать. Отправлявшаяся на следующий день жена капитана Бучинского не могла попасть в вагон через площадку, причем эту высокую и полную даму пришлось Бучинскому с денщиком поднять и втолкнуть в окно вагона, где ее приняли и втащили какие-то пассажиры.

---

³¹ Мариенгоф – курортный поселок, ныне поглощенный городом Юрмала.

Молебен по случаю мобилизации

В один из первых дней мобилизации было разослано объявление, что архиерей будет служить в соборе молебен о даровании победы. Назначен был час, кажется, 11 часов утра. Я прибыл вовремя и стал первый на ковер, приготовленный для начальствующих лиц. Частной публики пришло довольно много поглазеть на интересное зрелище, но военных было очень мало. Выждав «хороших» четверть часа, архиерей начал службу. Только тогда появился губернатор Звегинцев, а еще через 10 минут (вероятно, чтоб не быть раньше губернатора) прибыл сам Смирнов. В это время на ковре было уже много званых. Хотя я за недавним прибытием в Ригу еще не был знаком ни с кем из высших гражданских чинов, но меня поразило, что никто из них не почел своим долгом подойти ко мне и пожелать счастья на войне дивизии, которая несколько десятков лет квартирует в Риге. Как известно, у нас все глазели на губернатора, а о том, для чего собрались сюда, и не подумал никто. Кругом шел пустой разговор и бестолковая толчея. Сам архиерей, прочтя манифест об объявлении войны, не мог сказать нескольких соответствующих слов. Вообще такая торжественная минута не произвела никакого впечатления, точно собрались по самому обыкновенному случаю.

Мое походное снаряжение

Всю службу у меня было правило, что офицер в каждую данную минуту должен быть готов к походу. На этом основании я всегда все исподволь заводил, а что нужно – исправлял. Вследствие этого война меня не застала врасплох. Покупать ничего не пришлось. Вопрос только заключался в лошади. Месяц тому назад я купил у великой княгини Ольги Александровны чудного буланого мерина Соловья за 500 рублей. Ему минуло 5 лет, но он был недостаточно выезжен и не уравновешен для строя. Надо было искать другую лошадь. По конской повинности мне поставили очень приличную рыжую лошадь, но она совсем плохо ходила под верхом. Поэтому я отдал ее в артиллерийскую бригаду, откуда мне на временную замену поставили караковую крепкую кобылу, которая, впрочем, и прослужила мне все время вполне удовлетворительно. Единственное, что вышло очень плохо, это то, что мне пришлось взять в поход лишние вещи, которые все и пропали. Когда началась разборка и укладка вещей в лагере перед переездом, то неизвестно было еще, будет ли мобилизация. Между тем пребывание в таком городе, как Рига, мое служебное положение и к тому же еще обязательное посещение продолжавшейся еще Олимпиады – все это требовало наличия и хорошего платья и белья, разных мелочей, и даже орденов. Все это находилось при мне и среди мобилизационной работы и разных других дел так и осталось до последнего дня, и я вынужден был за неимением, где оставить, взять с собой все. Еще должен отметить одно обстоятельство. Моя казенная двуколка для вещей была переделана в стратегическую двуколку для штаба дивизии; на замену другой достать было невозможно. Пришлось покупать тележку, что с трудом и исполнил дивизионный интендант. Несмотря на его заверения, повозка оказалась слабая и при первом отступлении из Восточной Пруссии сломалась, а мои вещи, находившиеся в ней, пропали.

Организация дивизионной телефонной команды

Когда я прибыл в дивизию, то при штабе не было никаких средств связи, а так как предстояли большие маневры, то я немедленно озаботился приобретением телефонных принадлежностей на 5 станций с 18 верстами провода. Начальником дивизионной телефонной команды я

назначил штабс-капитана Вяземского полка³² Люляка, который отлично был знаком с телефонным делом и отличался добросовестностью и настойчивостью. От полков прикомандировали по 5 человек от каждого и 1 унтер-офицера, из коих половина уже была знакома с телефонным делом. Тотчас начались усиленные занятия, и к началу похода команда была превосходно подготовлена и снабжена всем необходимым. В течение войны она все время приносила огромную пользу, причем люди отличались неутомимостью, бесстрашием и большой добросовестностью. В декабре 1914 г. телефонное имущество [было] освежено почти полностью.

Офицерское собрание дивизионного штаба

Еще в лагерях, зная, что будут большие маневры, я спросил начальника штаба, имеются ли посуда и принадлежности для офицерского собрания штаба дивизии. Он ответил, что все есть. Когда началась мобилизация, я вновь задал этот вопрос и, порасспросив, узнал, что посуда имеется фаянсовая, а приспособлений для ее упаковки никаких нет. Затем нет ни кухни, ни самовара, ни ведер, ни белья. Одним словом, есть только посуда, совсем не для похода, укладываемая при помощи соломы и бумаг в колоссальный деревянный ящик, который ни на какую повозку не лезет и для подъема которого надо иметь 4 человека. Приказал немедленно купить эмалированную посуду и все, что нужно, а также офицерскую походную кухню. Затем приказал взять запас разных консервов и продуктов. Невзирая, однако, на мое личное вмешательство в это хозяйственное дело, в штабе дивизии привыкли к такой халатности, что из всех моих приказаний исполнили только покупку кухни. Даже о поваре не позаботились, и офицеру, моему ординарцу, назначенному заведовать собранием, ничего не передали и потом, пока не наладилось дело, на каждой станции бегали что-нибудь покупать: то сахар, то масло и т. д. По мере нашего движения вся посуда, конечно, перебилась, и ее заменяли в пути, захватывая разные предметы в помещичьих имениях, где мы останавливались. Образец того, как можно было понадеяться на распорядительность чинов штаба, пока они не были еще вышколены во время похода постоянными указаниями. Собрание дивизионного штаба впервые наладилось лучше, когда после первого отступления из Восточной Пруссии была расформирована 54-я дивизия³³ и начальник ее генерал-майор Чижов прибыл на укомплектование 29-й дивизии на место пропавшего в то время генерала Орла. Вместе с генералом Чижовым было переведено много людей, среди которых оказался хороший настоящий повар и приличный старик лакей Карп из Московского дворянского собрания. Они и были до конца.

Бомбардировка Либавы³⁴

В Либаве мобилизовался Старорусский полк. Кажется, на 3-й день мобилизации, то есть 20 июля, утром в виду Либавы появилась германская эскадра около 12–15 вымпелов и

---

³² 115-й пехотный Вяземский генерала Несветаева полк – сформирован 20.08.1798 г. в Ярославле как мушкетерский полк Лейтнера. С 1863 г. – Вяземский пехотный полк. В начале XX в. полку присвоено имя героя Кавказской войны генерала Несветаева. В 1914 г. полк входил в состав 29-й пехотной дивизии 20-го армейского корпуса и был расквартирован в Риге. В феврале 1915 г. почти полностью погиб при прорыве 20-го корпуса из окружения в Августовских лесах. Воссоздан весной 1915 г. Расформирован в декабре 1917 г.

³³ 54-я пехотная дивизия – дивизия второй очереди, сформирована в июле 1914 г. из кадра 2-й Гренадерской дивизии. Вошла в состав 1-й армии, расформирована в октябре 1914 г. после катастрофических потерь в Восточно-Прусской операции. Состав дивизии: 1-я бригада (213-й пехотный Устюгский полк, 214-й пехотный Кремлевский полк), 2-я бригада (215-й пехотный Сухаревский полк, 216-й пехотный Осташковский полк), 54-я артиллерийская бригада. Начальник дивизии генерал-майор М. И. Чижов.

³⁴ Бомбардировка Либавы – 20 июля (5 августа по новому стилю) 1914 г. немецкие крейсеры «Аугсбург» и «Магдебург» обстреляли Либаву. Всего по городу было сделано 20 выстрелов, из которых лишь три попали в город: один в военно-морской госпиталь и два в частные дома. Ввиду уже принятого решения об оставлении Либавы военного значения эта акция не имела и лишь ускорила развертывание крейсерских сил Балтийского флота.

открыла огонь по городу. Находившийся тут генерал-майор Гандурин приказал обозу и хозяйственным учреждениям полка отойти по направлению к городу Гробин за озера, а полку продолжать мобилизоваться в городе. Немцы выпустили несколько выстрелов, все больше недолеты и без всякого результата и вечером отошли. Тем не менее в порту произошла большая паника, о которой я уже упоминал, благодаря которой начали выбрасывать в море разные вещи (среди которых автомобиль и мотоциклетки были спасены и попали через Старорусский полк в штаб дивизии). Мобилизация полка закончилась благополучно, и полк своевременно прибыл в Шавли, впереди которого начал укреплять позицию.

Захват в Риге немецкого коммерческого парохода

В один из первых дней мобилизации вечером я получил приказание захватить большой немецкий пароход с товарами, находившийся в порту. Прибывший капитан порта сообщил, что на пароходе имеется команда в 15 человек, которая, по имеющимся сведениям, хорошо вооружена, а капитан парохода очень строгий человек. Поэтому предупредил, что надо действовать осторожно. Я приказал назначить взвод под начальством хорошего офицера, говорящего по-немецки, и организовать наблюдение со стороны реки, чтобы команда не могла удрать. Взвод сопровождался таможенными и портовыми чиновниками. На рассвете взвод быстро вошел на палубу со стороны набережной и занял пароход. При этом капитан и все люди были арестованы, обезоружены и сданы таможенным надсмотрщикам, а пароход немедленно заняли портовые власти. Сопrotивления не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.